

Рецензии, обзоры, информация

Исследования по социоанализу

[«После Бурдьё: политика теории и практика рефлексии» (блок материалов подготовлен Александром Дмитриевым), НЛЮ. Москва 2003 № 60, с. 7-93.

Lucyna Rożek, *Rosyjska szkoła eidologii. Koncepcje teoretycznoliterackie Waleriana F.Pierwierzewa*. Częstochowa: Wydawnictwo im. Stanisława Podobińskiego Akademii im. Jana Długosza, 2005, 283 с.]

Радикальная позиция и требование Пьера Бурдьё понять культуру как особое «поле производства» в общественном целом и, следовательно, позиционировать искусствоведение и филологию социоаналитическим подходом, единственно обладающим абсолютной самообъективизацией, формировались в конце минувшего столетия в условиях ослабления реального суверенитета гуманитарной науки и как оппозиция идеям Р. Барта и Ж. Деррида. Принципиально сходные, но намного более острые политико-экономические процессы в России, где герметичность гуманитарного знания стала особенно проблематичной и где попытки его «историизации» («история текстуальна – текст историчен») оказались недостаточными, «недо-социоаналитическими», объясняют повышенное внимание исследователей к рефлексивному социоанализу французского учёного, нашедшего выражение в обсуждении основных его трудов, их переводах и в попытках соотнесения его теории с опытом русской науки. Первой суммирующей попыткой осознания наследия социолога стала

подборка материалов, подготовленная А. Дмитриевым под общим названием «После Бурдьё: политика теории и практика рефлексии». В неё вошли поздняя статья самого Пьера Бурдьё «Исторический генезис чистой эстетики» (17-28) и его беседа с Роже Шартье «Люди с историями, люди без историй» (70-84), а также анализы А. Дмитриева «В свете нашего опыта: социоанализ Пьера Бурдьё и российское гуманитарное сознание» (7-16), С. Зенкина «Теория писательства и письмо теории, или Филология после Бурдьё» (30-37), А. Бикбова «Социоанализ культуры: внутренние принципы и внешняя критика» (38-53), М. Магидович «Поле искусства как предмет исследования» (54-69) и отчет О. Кирчика о состоявшемся 22 – 25 января 2003 г. в Париже международном коллоквиуме «Социальные науки и рефлексивность: памяти Пьера Бурдьё» (85-93).

Аналізу подверглись главные постулаты, понятия и терминология П. Бурдьё: «поле литературы», «культурный габитус», «практический смысл», «пространство литературы» и «пространство действительности», обус-

ловленность занимающейся *текстами* филологии «нетекстуальными» практиками и событиями, различение *текстов*, которыми занимается филология, и *поступков*, которыми занимается во временных координатах социология и к которым относится *писательство* – социальный субстрат литературы и т.д. Итоговой категорией у Бурдьё, по видимому, можно считать основанную на объективизации артистической практики «науку о произведениях», которой он «отменяет» традиционные теории и истории литературы: «истинным предметом произведения искусства является не что иное, как артистический способ постижения мира, то есть сам художник, его манера и его стиль, верные знаки его мастерства» (Bourdieu 1992, 412). По разъяснению Ивлин Пэнто, подобная рефлексия художника над его произведением отражается в образе, посылаемом читателю. При этом Бурдьё различает три эффекта этого отражения: художника – в зеркале, которое ему протягивает произведение; произведения, обладающего этой способностью отражения – в образах, которые оно посылает читателю; в конце концов, произведения – с его многочисленными образами – в анализе социолога. Подобный анализ предполагает рефлексивность уже не визуального, но интеллектуального порядка: речь идёт о критическом пересмотре объекта науки и науки как таковой, а также о необходимости совершить усилие рефлексивности относительно категорий, делающих возможной «науку о произведениях» и науку этой науки (Pinto 2002, 33).

Возникающие в названных выше статьях-анализах ассоциации с социологическим методом первой половины и середины XX века знаменательны и интересны. Однако, в связи с выходом в Польше монографии о теории В.Ф. Переверзева, представляется возможность рассмотреть подобные ассоциации не в ретроспективе, а в контексте своего времени.

Автор книги, профессор Люцина Рожек, опираясь на наследие русской, польской и французской социологической мысли, форму-

лирует свою исследовательскую задачу так, чтобы не осталось места для ассоциаций с устоявшимися представлениями о Валериане Переверзеве как создателе «вульгарно-социологического метода». «Предлагаемая монография, – пишет она, – является первым <...> опытом выяснения главных теоретических положений каузально-социологической концепции литературы, понимаемой метафорически как творческий акт *игры-в-жизнь*, т.е. как творческая деятельность каждого человека, вступающего в борьбу за существование (9). Исследовательница реализует поставленную цель в восьми разделах: «Предмет теоретико-познавательных деклараций В.Ф. Переверзева», «Каузально-социологическая концепция литературы в контексте других теоретических рефлексий эпохи», «Развитие теории *искусства игры* в западноевропейской и русской эстетике и теории литературы начала XX века», «Характер игр в первобытных обществах в свете современных исследований (от обрядовости и ритуала до искусства)», «Генетично-социологическая интерпретация *искусства игры* в работах В.Ф. Переверзева», «Литературная категория образа в социологической эстетике В.Ф. Переверзева», «Морфологически-социологическая типологизация синтетических художественных структур. Характеры и их ипостаси», «Основы эйдологической поэтики В.Ф. Переверзева и принципы социологической систематизации литературных явлений».

Л. Рожек соотносит теорию образа у Переверзева с платоновским эйдосом как, одновременно, образом-прототипом (эйкон) и логосом. Выводимое отсюда Переверзевым понятие-термин *эйдология* есть «наука о социально действительных образах, представляемых в тексте литературного произведения» (134).

Центральным в эйдологии Переверзева является образ-характер, образ-тип, адекватную сущность которого ученый обнаруживает в вариантных его воплощениях в творчестве данного писателя, направления, целой эпохи.

По отношению к «синтетическим характеристам» Переверзев выделил категории: «типология сюжета», «типология композиции», «типология стиля», «типология бытов», «типология жизненной борьбы», «социально-психологические комплексы», «телесный образ», «телесно-духовный формат» и т.п. Одновременно – и это особенно акцентирует Л. Рожек – Переверзев требует различения «индивидуальной физиологии творчества», выдвигает метафорические понятия: «специфически организованное тело», «организм», «анатомия организма» и т.п. Такой подход Переверзев считал объективно-истинным, «окончательным».

Подробно прослеженная в монографии переверзевская классификация характеров-типов в русской литературе XIX в. в их

вариантности и соотнесенности с жизненными эквивалентами, безусловно, представляет определенный интерес. Однако нельзя не видеть, что в большой мере она восходит к «реальной критике» Добролюбова-Писарева и культурно-исторической школе; в меньшей – к социально-историческому методу в собственном смысле, крупнейшим представителем которого был Д. Лукач. Его теория романа („Die Theorie des Romans“, 1920) как «Опыт историко-философского исследования форм большой эпики» и как демонстрация возможностей историко-генетического метода, открывшего дорогу методологии М. Бахтина, сохраняет значение и вызывает пристальный интерес (Rochlitz 1983; Clark, Holquist 1984).

Павел Ивинский

ЛИТЕРАТУРА

Bourdieu 1992 – Bourdieu P. Les règles de l'art. Paris 1992.

Clark, Holquist 1984 – Clark K., Holquist M. Michail Bakhtin. Cambridge (Mass.) – London, 1984.

Pinto 2002 – Pinto Eveline. Penser l'art et la littérature avec les sciences sociales: en l'honneur de Pierre Bourdieu. Publications de la Sorbonne, 2002.

Rochlitz 1983 – Rochlitz R. Le jeune Lukacs. Théorie de la forme et philosophie de l'histoire. Paris, 1983.